

Научная статья

УДК 343.14

EDN TWIXUM

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).191-199

ПРИЧИНЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В «АВТОРЕФЕРАТ» СЛЕДСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

С.Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

17 апреля 2024 г.

Дата принятия в печать

28 мая 2024 г.

Дата онлайн-размещения

31 мая 2024 г.

Ключевые слова

Досудебное производство;
обвинительное заключение;
обвинительный акт; окончание
предварительного следствия;
полномочия следователя;
решение следователя

Аннотация. Предусмотренные действующим уголовно-процессуальным законодательством требования, предъявляемые к обвинительному заключению, несмотря на должную проработанность и многолетнее использование, еще далеки от совершенства, приводят к трудностям в правоприменительной практике и другим негативным обстоятельствам. В этой связи ощущается объективная потребность в выявлении и осмыслении причин, повлиявших на существующий порядок подготовки данного уголовно-процессуального акта.

Целью настоящей статьи является формирование системного научного знания об обстоятельствах возникновения и развития доктринальных, нормативно-правовых и практических подходов к форме и содержанию обвинительного заключения, в том числе о причинах появления предопределенных ими деструктивных тенденций, приводящих к разбалансировке процессуальных функций, к неразумному соотношению следственных, прокурорских и судебных полномочий.

В качестве основного метода исследования использовался диалектический подход к познанию реальности. В качестве специальных методов были избраны: обобщение правоприменительной практики, историко-правовой, технико-юридический и другие методы.

В Российской Федерации ввиду ряда причин сложились достаточно деструктивные подходы к форме и содержанию обвинительного заключения, которые осложняют правоприменительную практику органов предварительного расследования, приводят к разбалансировке процессуальных функций, неразумному соотношению процессуальных полномочий, к постепенному превращению судебной деятельности в бесполезную формальность, т.е. к извращению самого смысла уголовной юстиции. Кроме того, они не соответствуют подлинному предназначению обвинительного заключения. Таковы предпосылки объективной потребности в разработке, введении в предмет уголовно-процессуального регулирования и постепенном внедрении принципиально новых подходов к форме и содержанию обвинительного заключения.

Статья может оказаться полезной научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам (адъюнктам), студентам, а также всем интересующимся проблемами, связанными с окончанием предварительного расследования по уголовному делу.

Original article

REASONS FOR TURNING THE CLOSING INDICTMENT INTO AN “ABSTRACT” OF INVESTIGATIVE PROCEEDINGS

Sergej B. Rossinskij

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2024 April 17

Abstract. The requirements to the closing indictment under the current criminal procedure legislation, though thoroughly worked out and in use for many years, are still far from being perfect, which leads to difficulties in the practice of law enforcement and has negative consequences. Thus, there is an objective need for identifying

Accepted
2024 May 28

Available online
2024 May 31

Keywords

Pre-trial proceedings; closing indictment; indictment; completion of the preliminary investigation; powers of the investigator; investigator's decision

and understanding the reasons that influenced the current practice of preparing this criminal procedure act.

The goal of this article is to obtain a systemic scientific knowledge regarding the circumstances of the emergence and development of doctrinal, normative-legal and practical approaches to the form and content of the closing indictment, including the causes for the emergence of the destructive trends that they determine, leading to a disbalance of procedural functions, and an unreasonable correlation between investigatory, prosecutorial and court powers.

The basic research method is the dialectic approach to the understanding of reality. The selected specific methods include: the generalization of the practice of law enforcement, historical-legal, technical-juridical and other methods.

For a number of reasons, some rather destructive approaches to the form and content of the closing indictment have been developed in the Russian Federation, they complicate the law enforcement work of the preliminary investigation bodies leading to a disbalance between procedural functions, an unreasonable correlation between procedural powers, and a gradual transformation of court functions into a meaningless formality, i.e. to the perversion of the very meaning of criminal justice. Besides, they do not correspond to the true mission of the closing indictment. Such are the prerequisites of the objective need for the development, inclusion in the object of criminal procedure regulation and then gradual enforcement of principally new approaches to the form and content of the closing indictment.

This article may be used by researchers and practical workers, teachers, Ph.D. students (adjuncts), students, and all those interested in the problems connected with the end of the preliminary investigation on a criminal case.

На общем фоне множества проблем, возникающих в правоприменительной практике органов предварительного следствия, особенно заметны и обращают на себя внимание трудности и препоны, присущие составлению обвинительного заключения как финального уголовно-процессуального акта, завершающего досудебное производство по уголовному делу и предопределяющего направление всех его материалов в суд для рассмотрения по существу. Ведь в современных реалиях развития уголовной юстиции этот процессуальный документ, являясь классическим образчиком процессуальной бюрократии, предполагает формально краткое, а на самом деле достаточно подробное изложение хода и содержания всей проделанной следователем работы, включая описание установленных обстоятельств случившегося, имеющих доказательств, четкую формулировку выдвинутой в отношении каждого обвиняемого уголовно-правовой претензии (обвинения) и целый ряд других реквизитов. Подобные требования прямо вытекают из смысла действующего уголовно-процессуального законодательства, в первую очередь одноименной ст. 220 УПК РФ; они же лежат в основе уже ставших традиционными и хорошо известных каждому практическому работнику рекомендаций по составлению обвинительных заключений.

Другими словами, на сегодняшний день обвинительное заключение фактически пре-

вращено в некий «автореферат» следственного производства, ознакомление с которым позволяет потенциальным читателям (прокурору, судье и т.д.), зачастую даже не заглядывая в сами материалы уголовного дела, распознать и оценить его судебную перспективу либо бесперспективность, т.е. его предрасположенность либо непредрасположенность к «положительному» рассмотрению и разрешению в суде первой инстанции.

И в этой связи возникает закономерный вопрос: что же послужило причиной возникновения подобных, к слову, весьма далеких от совершенства, требований к форме и содержанию обвинительного заключения, сильно осложняющих работу органов предварительного следствия, в частности, приводящих к явному увеличению «следственной» нагрузки, процессуальной бюрократии, к другими ощущаемым трудностям? Думается, что ответ на такой болезненный для современной доктрины и правоприменительной практики вопрос разумно искать именно в истории возникновения и развития соответствующих правоотношений, прежде всего нормативных требований, предъявляемых к составлению обвинительных заключений и выработанных на их основе прикладных рекомендаций. Решению подобной задачи и посвящается настоящая статья.

А начать хотелось бы с достаточно известного и уже неоднократно описанного в ли-

тературе, в том числе в публикациях автора настоящей статьи [1, с. 15–16], историко-правового факта. Сами идеи, увязывающие окончание предварительного следствия именно с составлением обвинительного заключения, возникли, приобрели официальное признание и законодательное воплощение «сравнительно недавно» — чуть более ста лет назад. Причем их появление было напрямую связано с формированием раннесоветской системы уголовного судопроизводства, с одной стороны, учитывающей лучшие мировые, в первую очередь романо-германские, традиции и богатый опыт уголовной юстиции Российской империи, а с другой — соответствующей общему вектору развития государственности в существующих на тот момент социально-политических условиях. Тогда так более ранние, применяемые до Октябрьской революции, правила досудебного производства предполагали несколько иную форму окончания предварительного следствия с направлением уголовного дела в суд: решения о выдвижении официального обвинения и завершении досудебного производства с дальнейшим преданием обвиняемого суду предписывалось интегрировать в рамках единого процессуального документа — обвинительного акта, а полномочиями по его составлению наделялись не судебные следователи, а прокуроры. И лишь в связи с упразднением «царского» законодательства ввиду ряда веских причин [1, с. 16–19] возник сохранившийся до настоящего времени следственный порядок, сводящийся к вынесению в отношении лица специального постановления о привлечении в качестве обвиняемого с последующим «засиливанием» этого решения в обвинительном заключении. Кстати, первые шаги в этом направлении были сделаны еще в период так называемого декретного правотворчества — определенные намеки на необходимость вынесения специальных следственных заключений по результатам досудебного производства нашли отражение в двух известных послереволюционных декретах Советской власти в области юстиции — в последовательно принятых Положениях о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г.¹ и от 21 октября 1920 г.² Од-

нако гораздо большую определенность правовое регулирование обвинительного заключения приобрело в начале 1920-х гг. в связи с появлением первых советских уголовно-процессуальных кодексов. Тогда же возник и сам термин «обвинительное заключение»; под ним стали понимать правоприменительный акт, фиксирующий итоги предварительного расследования и воплощающий результаты всей следственно-оперативной работы по соответствующему уголовному делу [2, с. 188; 3, с. 167].

В соответствии с положениями «пробного» УПК РСФСР 1922 г.³ и аналогичными по содержанию положениями принятого всего через несколько месяцев «обновленного» УПК РСФСР 1923 г.⁴ в случае признания предварительного следствия окончанным следователю надлежало приступить к составлению обвинительного заключения, после чего направлять материалы уголовного дела прокурору. Обвинительное заключение предписывалось оформлять в виде документа, состоявшего из двух частей: описательной, раскрывающей выявленные в ходе предварительного следствия обстоятельства уголовного дела с указанием соответствующих доказательств, и резолютивной, отражающей сведения о личности обвиняемого, его прежних судимостях, классовой принадлежности, о роде занятий, сведения о потерпевшем, а также данные о времени, способе, мотивах преступления и точную уголовно-правовую оценку (квалификацию) содеянного.

В связи с дальнейшим развитием советского уголовно-процессуального законодательства указанные положения претерпели ряд изменений. Первые из них были внесены в октябре 1929 г.⁵ — вследствие указанных поправок порядок подготовки обвинительных заключений приобрел гораздо большую конкретизацию. В частности, законодатель подробно разъяснил требования по оформлению описательно-мо-

декрет ВЦИК от 21 окт. 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

³ Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.) : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

⁴ Уголовно-процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. : утв. Постановлением ВЦИК от 15 февр. 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁵ Об изменениях Уголовно-процессуального кодекса РСФСР : постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 окт. 1929 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 78. Ст. 756.

¹ О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение) : декрет ВЦИК от 30 нояб. 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

² Положение о Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики :

тивировочной части документа и т.д. Кроме того, появилось предписание, обязывающее следователя прилагать к обвинительному заключению специальную справку, содержащую сведения о некоторых значимых деталях предварительного следствия. Одновременно было введено еще одно важное новшество: при изложении в обвинительном заключении и приложениях к нему обстоятельств и результатов предварительного расследования законодатель предписал ссылаться на соответствующие листы уголовного дела. С тех самых пор за обвинительным заключением легально закрепились организационно-техническая (справочная) роль [4, с. 62–63]: оно официально стало признаваться процессуальным «путеводителем», позволяющим любому полномочному либо правомочному читателю (судье, прокурору, защитнику и т.д.) быстро ориентироваться в материалах досудебного производства и оперативно находить требуемый документ.

Очередной этап развития правовой регламентации обвинительного заключения был обусловлен реформой уголовно-процессуального законодательства, проведенной на рубеже 1950–1960-х гг., и принятием УПК РСФСР 1960 г.⁶ Правда, положения нового Кодекса в этой части никакими существенными изменениями не характеризовались — смысл появившихся новаций сводился всего лишь к незначительным корректировкам прежних правил и дальнейшей конкретизации требований к подготовке указанных процессуальных актов. Например, еще большее внимание стало уделяться отдельным реквизитам обвинительного заключения, появилось правило о включении в его резолютивную часть формулировки предъявленного обвинения с точной квалификацией деяния и т.д. Однако именно эти, казалось бы, незначительные изменения и сыграли решающую роль в резком усилении тенденций, направленных на все более и более подробное изложение в обвинительных заключениях хода и содержания проделанной следователем работы; именно с того самого времени указанные документы все больше и больше стали напоминать своеобразные «авторефераты» следственных производств! А в появившихся вскоре после проведенной реформы научных публикациях обвинительное заключение стало рассматриваться как правоприменительный акт, предполагающий повторный анализ и новую, как бы предсудебную, оценку материалов уголовного дела на предмет всесторонности, полноты и объективности установленных обстоятельств [5, с. 63–64; 6, с. 294].

Тем более, что подобные требования к составлению обвинительных заключений существовали достаточно долго — вплоть до принятия и введения в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г.⁷ За это время был наработан богатый опыт подготовки обвинительных заключений и сформировались хорошо известные каждому следователю практические подходы [7, с. 10–71; 8, с. 64–69]. Соответствующие прикладные технологии и рекомендации в течении многих лет использовались подавляющим большинством самых различных органов предварительного расследования на всей территории РСФСР (в дальнейшем — Российской Федерации) и часто воспринимались практическими работниками как нечто очевидное, само собой разумеющееся, а связанные с ними и передаваемые «из поколения в поколение» профессиональные хитрости и секреты всегда признавались предметом особой гордости опытных сотрудников.

Вместе с тем на проверку такие предписания оказались не столь разумными и эффективными, каковыми они, по всей вероятности, изначально представлялись разработчикам позднесоветского уголовно-процессуального законодательства. Со временем в детерминированной ими правоприменительной практике стали проявляться существенные недостатки и изъяны, оказывавшие достаточно пагубное влияние на ход и результаты уголовного судопроизводства, а порой даже обуславливающие извращение всей национальной системы уголовной юстиции.

Во-первых, жесткие требования к оформлению обвинительных заключений в совокупности с общими тенденциями по бюрократизации уголовного судопроизводства стали причиной разрастания объемов данных документов до колоссальных размеров, подчас достигающих сотен и даже тысяч страниц. В конечном счете, это привело к увеличению «следственной» нагрузки, нерациональности расходования следователями рабочего и даже нерабочего времени, к иным

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утв. Законом РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

негативным последствиям. Причем особенно заметными указанные проблемы стали в последнее десятилетие XX в. — в связи с появлением множества сложных и объемных уголовных дел об экономических преступлениях, о преступлениях, совершенных организованными преступными группами, сообществами и т.д.⁸ А во-вторых, столь исчерпывающее изложение в обвинительных заключениях результатов предварительного расследования, включая подробное описание имеющихся доказательств, фактически уподобляло их судебным приговорам, что в силу понятных каждому практическому работнику причин просто не могло не повлиять на смещение «центра тяжести» всей системы уголовной юстиции, на разбалансировку процессуальных функций органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, на утрату разумного соотношения их полномочий, на превращение некоторых прокурорских и, в особенности, судебных обязанностей в банальную профанацию. Конечно, с одной стороны, подробное освещение в обвинительных заключениях всех значимых для уголовного дела обстоятельств и подтверждающих либо опровергающих их доказательств явно содействовало упрощению «последствий» прокурорских проверок соответствующих материалов и ускорению их «прохождения» через судебные инстанции, т.е. в определенной степени способствовало быстрому изобличению виновных и обеспечению правильного применения уголовного закона как одной из стоящих перед УПК РСФСР 1960 г. задач. Но, с другой стороны, это приводило к фактическому превращению предварительного расследования в ключевую, гораздо более важную, чем разбирательство в первой инстанции, в определенном смысле кульминационную стадию уголовного судопроизводства, а установленных органами дознания и предварительного следствия обстоятельств — в непреложную гносеологическую основу для судебного разрешения уголовного дела и постановления приговора.

Очевидно, что участвующие в разработке подобных требований советские ученые даже не помышляли о негативных последствиях сво-

их правотворческих инициатив. По всей вероятности, их благие замыслы были направлены исключительно на укрепление режима социалистической законности, усиление защищенности обвиняемого, на воплощение иных правовых ценностей и пронизаны стремлением к достижению максимальной прозрачности досудебного производства. А исчерпывающее изложение в обвинительных заключениях итогов предварительного расследования, скорее всего, расценивалось в качестве своеобразной формы отчетности следователей (органов дознания) о проделанной работе, в качестве подспорья в надлежащем уяснении потенциальными читателями соответствующих обвинительных позиций.

Между тем многие, в первую очередь недобросовестные, представители прокуратуры и судебной системы быстро уразумели обратную сторону указанных предписаний, осознали их неоспоримую выгоду для уклонения от надлежащего исполнения своих собственных полномочий, освобождения от «лишней» работы за счет возможности «умелого использования» буквально преподносимых «на блюдечке» результатов следственной деятельности. В частности, прокуроры почему-то начали «забывать» о вытекающих из смысла ст. 213–214 УПК РСФСР 1960 г. надзорных обязанностях по проверке всего (!) поступившего из органа предварительного расследования уголовного дела, зачастую ограничиваясь лишь изучением (иногда достаточно беглым просмотриванием) обвинительных заключений. Кроме того, в целом ряде случаев они перестали надлежащим образом готовиться к участию в судебных заседаниях в качестве государственных обвинителей, прибегая к помощи обвинительных заключений как своеобразных шпаргалок. Особую распространенность такие, с позволения сказать, технологии опять-таки получили в 1990-е гг. в связи с резким увеличением объемов некоторых уголовных дел — прокуроры просто физически не были способны в предусмотренные законом пресловутые пять суток рассматривать поступающие многотомные материалы и принимать по ним обоснованные и взвешенные процессуальные решения⁹.

⁸ Автору настоящей статьи, проходившему в конце 1990-х гг. службу в «экономическом» отделе Следственного управления ГУВД г. Москвы (позднее — Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы), вспоминаются обвинительные заключения, на подготовку которых уходило по несколько недель, иногда месяцев непрерывной работы, и объем которых исчислялся минимум несколькими томами.

⁹ Автору настоящей статьи даже известны случаи, когда следователи не передавали прокурорам окончательные производством уголовные дела в полном объеме, а по их просьбам отвозили львиные доли наработанных материалов непосредственно в суды; в прокуратуру же представлялись лишь обвинительные заключения, на основании которых и принимались надзорные решения в соответствии со ст. 214 УПК РСФСР.

И все же наибольшую «пользу» из установленного порядка подготовки обвинительных заключений извлекли именно недобросовестные судьи. Быстро осознав возможность уклонения от изнурительных раздумий по подлежащим судебному разрешению вопросам, от утомительной «писанины», требуемой для должной мотивировки своих решений, они принялись совершенно бесцеремонно копировать для включения в содержание приговоров либо иных правоприменительных актов соответствующие фрагменты обвинительных заключений, порой дословно переписывая целые абзацы и даже страницы «следственных» текстов. Другими словами, подобные представители судебной системы, моментально уразумев выгоду своего положения, увлеклись ничем иным, как банальным процессуальным плагиатом, что, в свою очередь, неизбежно привело к отлыниванию от работы, к игнорированию вытекающей из смысла закона обязанности подробного вникания в детали рассматриваемого правового спора, т.е. к пренебрежению требованием непосредственности рассмотрения уголовного дела как одним из базовых условий производства в суде первой инстанции. Неудивительно, что при таких обстоятельствах «центр тяжести» всей системы уголовной юстиции сместился именно в сторону предварительного расследования, а основное бремя ответственности за надлежащее разрешение уголовных дел фактически стало возлагаться на следователей как авторов обвинительных заключений. Тогда как многие судьи, к слову, по собственной инициативе превратились в пассивных рерайтеров-переписчиков таких заключений, а осуществляемые ими перво-инстанционные процедуры — в пустые формальности.

Особо заметными эти изъяны судебной практики стали в связи с постепенным оснащением судов, органов дознания и предварительного следствия персональными компьютерами с установленными на них программами для создания и редактирования текстов: «Лексикон», «Фотоном», позднее — майкрософтовским «Вордом», а также появлением 5,25-дюймовых и 3,5-дюймовых дискет для хранения и передачи различных данных. Ввиду возникновения подобных технических возможностей работа судей по написанию текстов приговоров на основе поступающих в суды обвинительных заключений во многом свелась лишь к использованию известного каждому пользователю ЭВМ

примитивного алгоритма «copy → paste» («копировать → вставить»)¹⁰.

По всей вероятности, именно эти обстоятельства и сыграли решающую роль в кардинальном изменении подходов к форме и содержанию обвинительных заключений. Принятый в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс РФ существенно упростил соответствующие требования — впредь обвинительное заключение предписывалось оформлять в виде краткой аннотации к окончательному досудебному производством уголовному делу, не предполагающей исчерпывающего изложения результатов предварительного расследования, подробного описания имеющихся доказательств и тому подобных реквизитов. В соответствии с изначальной редакцией ст. 220 УПК РФ содержание обвинительного заключения надлежало ограничивать данными о личности обвиняемого (обвиняемых), описанием установленных обстоятельств преступления и точной формулировкой предъявленного обвинения (точными формулировками всех предъявленных обвинений), перечнем «обвинительных» и «контробвинительных» доказательств, а также изложением обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, сведений о потерпевшем, гражданском истце, гражданском ответчике, характере и размере причиненного преступлением вреда¹¹.

Данные новшества впервые с момента введения обвинительного заключения в предмет процессуального регулирования позволили сильно пошатнуть устоявшиеся в доктрине

¹⁰ Автору настоящей статьи вспоминается множество случаев, связанных с поступающими в адрес следователей «дружескими» просьбами или даже настоятельными требованиями судей о передаче в их распоряжение дискет с электронными версиями обвинительных заключений по принятым ими к производству уголовным делам. В противном случае могли наступить весьма нежелательные последствия: от ухудшения налаженных рабочих отношений с соответствующим судьей до возвращения уголовного дела на дополнительное расследование, зачастую по явно надуманным основаниям. Встречались и более вопиющие ситуации: председатели ряда судов, в частности некоторых районных судов г. Москвы, прямо запрещали сотрудникам своих канцелярий принимать и регистрировать поступающие уголовные дела без приложенных к ним дискет с электронными версиями обвинительных заключений.

¹¹ Ввиду предпринятой дифференциации форм окончания досудебного производства схожие требования были установлены и в отношении обвинительного акта как процессуального документа, свойственного для завершения ординарного дознания.

и правоприменительной практике позиции, предполагающие отождествление данного документа с достаточно обстоятельным анализом имеющихся доказательств, с исчерпывающим обоснованием решения о направлении уголовного дела в суд и превращающими его в «автореферат» следственного производства. Причем в силу понятных причин подобные требования были весьма позитивно восприняты именно сотрудниками органов предварительного расследования — они привели к резкому снижению «следственный» нагрузки, более рациональному расходованию рабочего времени, к возможности сосредоточиться на решении иных, гораздо более важных вопросов.

Вместе с тем такие новации получили далеко не однозначные оценки. А наиболее негативное отношение к этим требованиям вполне ожидаемо сложилось в судебском корпусе. Ведь предусмотренные УПК РФ правила подготовки обвинительных заключений фактически лишили недобросовестных судей возможности «умело использовать» результаты следственной деятельности, уклоняться от обязанности подробного вникания в детали рассматриваемого правового спора, от изнурительных раздумий по вынесенным на разрешение вопросам, от утомительной «писанины», требуемой для мотивировки приговоров (иных правоприменительных актов). В этой связи в судебском сообществе практически сразу после вступления в силу нового уголовно-процессуального законодательства стали заметны явные недовольства и начали предприниматься активные попытки реставрации прежних нормативных и практических подходов к форме и содержанию обвинительных заключений. Тем более, что ввиду имеющихся у судебной власти серьезных правовых рычагов реализация подобных замыслов не составила особого труда.

Уже в марте 2004 г. было принято знаменитое постановление Пленума Верховного Суда РФ¹², разъясняющее смысл нормативных предписаний об указании в обвинительных заключениях перечней «обвинительных» и «контробвинительных» доказательств. Умело воспользовавшись неопределенностью и предрасположенностью к вариативному толкованию положения, предусмотренного ч. 1 ст. 74

¹² О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума ВС РФ от 05 марта 2004 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

УПК РФ, Пленум настоятельно рекомендовал включать в такие перечни не только наименования и прочие идентификационные реквизиты предполагаемых к судебному исследованию средств доказывания (в терминологии авторов постановления Пленума — источников доказательств), но и краткое содержание каждого из них! А позднее, через шесть лет, такие рекомендации не без участия того же Верховного Суда РФ были поддержаны законодателем и получили легальное воплощение в УПК РФ посредством принятия Федерального закона от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ¹³. Причем, исходя из содержания пояснительной записки к соответствующему законопроекту, потребность в подобной корректировке правил составления обвинительных заключений была вызвана лишь приведением Кодекса в соответствие с вышеуказанной позицией Пленума¹⁴.

Таким образом, в результате предпринятых усилий Верховного Суда РФ и фактически пошедшего у него на поводу законодателя произошла реставрация прежних, советских и весьма выгодных для недобросовестных представителей судебной власти требований к форме и содержанию обвинительных заключений¹⁵. Сразу же возобновилась и соответствующая правоприменительная практика — обвинительные заключения вновь фактически превратились в «авторефераты» следственных производств. Одновременно возродились и обусловленные подобной практикой перекосы системы уголовной юстиции; прокуроры и, в особенности, судьи стали опять активно «использовать» результаты следственной деятельности, а изготовление приговоров вновь во многом свелось к бесцеремонному копированию значительных фрагментов «следственных» текстов. К тому же ввиду бурного развития компьютерных средств и цифровых технологий в 2000-х гг. возникли новые формы передачи электронных версий обвинительных заключений. Вначале дискеты были вытеснены флэш-накопителями цифровой информации, вследствие чего в обиходе процес-

¹³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 11. Ст. 1168.

¹⁴ Законопроект № 264516-5 : пояснительная записка // СОЗД : офиц. сайт Гос. Думы Федер. Собр. РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/264516-5>.

¹⁵ Попутно эти же требования стали применяться и в части подготовки обвинительных актов.

суального жаргона прочно укоренился термин «флеш-приговор». Затем соответствующие данные стали передаваться посредством электронной почты, мессенджеров, других современных технологических изобретений. Все эти факторы снова привели к увеличению «следственной» нагрузки, к очередному смещению «центра тяжести» уголовной юстиции в сторону предварительного расследования, сознательному снижению процессуальной активности судей, к частичной утрате стадией производства в суде первой инстанции своего смысла. Но самое главное, они неизбежно повлияли на усиление того самого обвинительного уклона, о недопустимости которого постоянно говорят и пишут многие ученые-процессуалисты, государственные и общественные деятели, практические работники и прочие специалисты.

Подводя итоги, можно смело констатировать, что к настоящему времени в Российской Федерации ввиду ряда причин сложились достаточно деструктивные подходы к форме и содержанию обвинительного заключения: невзирая на предпринятые в 2001 г. попытки изменения установленных требований, *обвинительное заключение, по сути, продолжает оставаться своеобразным «авторефератом» следственного производства, предполагаю-*

щим подробное изложение хода и содержания всей проделанной следователем работы, а также способствующим уклонению прокуроров и, в особенности, судей от добросовестного выполнения возложенных на них процессуальных обязанностей. Все эти обстоятельства серьезно осложняют правоприменительную практику органов предварительного расследования, приводят к разбалансировке процессуальных функций, неразумному соотношению следственных, прокурорских и судебных полномочий, к постепенному превращению судебных стадий уголовно-процессуальной деятельности, в первую очередь производства в первой инстанции, в бесполезную формальность и профанацию, т.е. к извращению самого смысла существующей системы уголовной юстиции.

И в этой связи в настоящее время ощущается объективная потребность в разработке, введении в предмет уголовно-процессуального регулирования и постепенного внедрения в правоприменительную практику принципиально новых подходов к форме и содержанию обвинительного заключения. Эти проблемы уже являются предметом научных изысканий автора настоящей статьи, первые результаты которых предполагаются к опубликованию в самое ближайшее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россинский С.Б. Следственный порядок выдвижения обвинения в уголовном судопроизводстве: причины возникновения / С.Б. Россинский. — DOI 10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2. — EDN TZOOOWO // Правовая парадигма. — 2023. — Т. 22, № 3. — С. 14–20.
2. Громов В.И. Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений : руководство для органов дознания и народных следователей / В.И. Громов ; под ред. Н.В. Крыленко. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрид. изд-во, 1926. — 299 с.
3. Вышинский А.Я. Курс уголовного процесса / А.Я. Вышинский. — Москва : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. — 222 с.
4. Строгович М.С. Учебник уголовного процесса : для областных и краевых юридических курсов / М.С. Строгович. — Москва : Сов. законодательство, 1931. — 96 с.
5. Якубович Н.А. Окончание предварительного следствия / Н.А. Якубович. — Москва : Госюриздат, 1962. — 147 с.
6. Жогин Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. — Москва : Юрид. лит., 1965. — 367 с.
7. Веселый В.З. Обвинительное заключение / В.З. Веселый, В.Ф. Статкус. — Москва : Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1970. — 72 с.
8. Руководство для следователей : в 2 ч. / отв. ред. В.В. Найденов, П.А. Олейник. — 2-е изд. — Москва : Юрид. лит., 1981. — Ч. 1. — 544 с.

REFERENCES

1. Rossinsky S.B. The Investigative Procedure for Bringing Charges in Criminal Proceedings: Causes of Occurrence. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2023, vol. 22, no. 3, pp. 14–20. (In Russian). EDN: TZOOOWO. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.3.2.
2. Gromov V.I.; Krylenko N.V. (ed.). *Inquiry and Preliminary Investigation. The Theory and Methodology of Investigating Crimes*. 2nd ed. Moscow, Law Publishing House, 1926. 299 p.
3. Vyshinskii A.Ya. *A Course in Criminal Process*. Moscow, Law Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR Publ., 1927. 222p.
4. Strogovich M.S. *A Textbook of Criminal Proceedings*. Moscow, Sovetskoe Zakonodatel'stvo Publ., 1931. 96 p.
5. Yakubovich N.A. *The Ending of Preliminary Investigation*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 147 p.
6. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. *Preliminary Investigation in the Soviet Criminal Process*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1965, 367 p.

7. Veselyi V.Z., Statkus V.F. *The Indictment*. Moscow, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs Publ., 1970. 72 p.

8. Naidenov V.V., Oleinik P.A. (eds). *A Manual for Investigators*. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1981. Pt. 1. 544 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Россинский С.Б. Причины превращения обвинительного заключения в «автореферат» следственного производства / С.Б. Россинский. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(2).191-199. — EDN TWIXUM // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 191–199.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinskij, Sergej B. — Senior Researcher, Sector of Criminal Law, Criminal Process and Criminology, Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

FOR CITATION

Rossinskij S.B. Reasons for Turning the Closing Indictment into an “Abstract” of Investigative Proceedings. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 191–199. (In Russian). EDN: TWIXUM. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(2).191-199.